

Каро Эльм Мари

Пессимизм в XX веке

Леопарди - Шопенгауэр - Гартман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
353

Э53 **Эльм Мари К.**
Пессимизм в XX веке: Леопарди - Шопенгауэр - Гартман / Каро Эльм Мари – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 326 с.

ISBN 978-5-519-88486-0

ISBN 978-5-519-88486-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Никогда не занимались вопросами о злѣ и о цѣнности жизни съ такою ревностью, какъ въ наше время. Какую цѣну должна имѣть жизнь въ глазахъ человѣка мыслящаго, просвѣщеннаго новѣйшимъ опытомъ и современною наукою? Правда ли, что міръ худъ, что въ природѣ и человѣчествѣ заключается радикальное, абсолютное, непобѣдимое зло, что существованіе есть несчастіе и что небытіе предпочтительнѣе бытія? Эти слова звучать странно для современнаго человѣка, оглушеннаго шумомъ собственной дѣятельности, по справедливости гордаго прогрессомъ науки, человѣка, умѣренно-меланхолическій темпераментъ котораго отлично мирится съ продолжительнымъ пребываніемъ на землѣ. Однако философія, проклиная жизнь, существуетъ, и она проявляется не въ однихъ только блестящихъ парадоксальныхъ сочиненіяхъ, брошенныхъ какъ вызовъ современному научному и промышленному оптимизму, нѣтъ, она развивается въ самой борьбѣ, она тонкимъ ядомъ проникаетъ въ умы извѣстной

VI.

группы людей и смущаетъ ихъ. Это своего рода умственная болѣзнь, но болѣзнь привилегированная, до сихъ поръ сконцентрированная въ сферахъ высшей культуры, гдѣ она какъ бы является болѣзненною утонченностью и изящною испорченностью. Это какъ бы кризисъ умственный и литературный въ одно и то же время, кризисъ, по распространенности, превосходящій предѣлы одной какой-нибудь системы. Мы попытались разсмотрѣть его въ нѣкоторыхъ великихъ его проявленіяхъ, отмѣтить аналогичныя явленія въ самыхъ разнообразныхъ средахъ и, сравнивая различныя формы и симптомы, дойти до источника этого, совершенно новаго для Запада, зла. Мы должны прибавить, что подобная работа имѣетъ болѣе психологическій, чѣмъ практическій интересъ. Нѣтъ никакой опасности, чтобы эта философія была когда-нибудь въ Европѣ чѣмъ либо другимъ, какъ исключительнымъ явленіемъ, и чтобы просвѣщенное человѣчество когда-нибудь поддалось обольщенію этихъ проповѣдниковъ отчаянія и небытія.

ПЕССИМИЗМЪ ВЪ XIX ВѢКѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пессимизмъ въ исторіи.

Когда говорятъ, что пессимизмъ есть новѣйшее зло, то это нужно понимать такимъ образомъ, что онъ новъ только по той систематической и ученой формѣ, какую онъ принялъ въ наши дни; но во всѣ времена были пессимисты; пессимизмъ современенъ человѣчеству. Во всѣхъ расахъ, во всѣхъ цивилизаціяхъ люди съ мощнымъ воображеніемъ поражались неполнотою и трагичностью человѣческой судьбы, и они давали этому чувству выраженіе наиболѣе трогательное и патетическое. Во всѣ вѣка раздавался крикъ скорби и отчаянія, обвинявшій жизнь во лживости и признававшій высшую иронію вещей. Этотъ раздоръ между человѣкомъ и его судьбою,

противорѣчіе между его инстинктами, его способностями и средою, въ которую онъ погруженъ, вражда и вредоносность природы, случайности и неожиданности судьбы, человѣкъ, полный сомнѣнія и невѣжества, страдающій умомъ и чувствомъ, человѣчество, погруженное въ непрерывную борьбу, исторія, полная насилій, болѣзни, наконецъ, смерть и насильственное разлученіе со всѣмъ наиболѣе дорогимъ— всѣ эти несчастія и страданія вызываютъ вопль, раздающійся изъ глубины сознанія въ философіи, религіи и поэзіи народовъ. Въ древнихъ цивилизаціяхъ, эти крики и жалобы были всегда только единичными случаями, какъ бы ни было глубоко и страстно ихъ выраженіе.

Они обозначали меланхолическій темпераментъ, печальное настроеніе мысли, душу, растерзанную отчаяніемъ, но собственно говоря, они никогда не представляли систематической доктрины жизни, стройнаго ученія, отрицающаго бытіе. Іовъ проклиналъ день, въ который онъ ро-

дился: „человѣкъ, рожденный женою, краткодневенъ и пресыщенъ печалями“; но Іегова громить его неблагодарное сомнѣніе, несправедливыя жалобы, безумную строптивость; онъ просвѣщаетъ его и спасаетъ отъ себя самого. Соломонъ говоритъ: „И возненавидѣлъ я жизнь: потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ; ибо все суета, и томленіе духа“¹, но было бы крайне поверхностно видѣть въ мрачной поэзіи Экклезіаста только отчаяніе и не видѣть обратной стороны: суеты человѣческой, которую великая душа, имѣющая высшія стремленія, извѣдала до пресыщенія, и, какъ вѣчную антитезу, резюмирующую всѣ тревоженія человѣческаго сердца, — сознаніе своего ничтожества въ опьянѣніи наслажденіями и стремленіе найти тамъ вверху, чѣмъ наполнить пустоту своей скуки.

Аналогичныя чувства встрѣчаются у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Часто за-

¹ Экклезіастъ, II, 17.

мѣчали проявленія глубокой грусти то у Гезіода и Симонида Аморгоскаго, то у Софокла и Эврипида. Изъ Греціи идетъ эта трогательная жалоба: „Человѣку лучше не родиться, а родившись—умереть молодымъ“. Гартманъ не упустилъ случая привести мѣсто изъ *Апологии*, гдѣ Платонъ отлично способствуетъ обоснованію главнаго положенія пессимизма, что небытіе въ среднемъ выводѣ лучше бытія: „Если смерть есть отсутствіе всякаго чувствованія, сонъ безъ сновидѣній, тогда какая громадная выгода умереть! Пусть кто нибудь сравнитъ подобную ночь, проведенную въ глубокомъ снѣ, не смущаемомъ никакимъ сновидѣніемъ, со всѣми остальными ночами и днями въ своей жизни; пусть онъ подумаетъ и скажетъ по совѣсти, много ли онъ видѣлъ въ своей жизни дней и ночей, счастливѣе этой; я убѣжденъ, что не только простой смертный, но и самъ великій царь персидскій припомнитъ ихъ такъ немного, что сосчитать ихъ было бы весьма легко“. Аристотель справедли-

во замѣчаетъ, что есть родъ скорби, которая какъ бы составляетъ удѣлъ генія ¹. Онъ рассматриваетъ этотъ вопросъ, какъ фізіологъ, но съ другой стороны, развѣ нельзя сказать, дополняя его мысль, что высота, которой достигаетъ человѣческій геній, помогаетъ ему увидѣть съ большею ясностью и на большей поверхности суетность человѣчества и ничтожность жизни.

Веселый, сладострастный, суетный эпикуреизмъ неожиданно, но строго логически велъ къ осужденію жизни. Это засвидѣтельствовали тѣ партизаны наслажденія въ Римѣ, которые умирали такъ же легко и рѣшительно, какъ и сторонники суроваго стоицизма. Въ концѣ концовъ, чрезмерная любовь къ жизни вела ихъ къ ея осужденію и отрицанію, когда нельзя было ожидать отъ нея болѣе наслажденій. Если наслажденіе есть высшая цѣль, то къ чему переживать его гибель? Нельзя вѣчно наслаждаться, и, когда начинается усталость, то не далеко и истощеніе; а что можетъ

¹ Проблемы, XXX.

быть печальнѣе для эпикурейца, чѣмъ видѣть себя неспособнымъ наслаждаться? Конечно, лучше предупредить эту неспособность, которая хуже самой смерти, и умереть до ея наступленія. „Къ чему“, могли бы сказать эпикурейцы людямъ, истощеннымъ наслажденіями, „къ чему трусливо оспаривать у природы, которая тебя покидаетъ, нѣсколько заранѣе осужденныхъ дней и нѣсколько невѣрныхъ ощущеній? Ты не можешь ничего ожидать въ будущемъ, кромѣ страданія, слабости и старости. Выпей смерть, вмѣстѣ съ послѣднимъ возліяніемъ вина“. Таковъ смыслъ академіи *соумирающихъ* (τῶν συνποθαινομένων), образовавшейся въ Александріи, членами которой были Антоній и Клеопатра. Римляне время упадка приносили на послѣднемъ пиру свою жизнь въ жертву судьбѣ и, въ сладострастномъ опьяненіи, бросались въ то неизвѣстное, которое они считали небытіемъ. Петроній, поэтъ римскихъ оргій, до послѣдней минуты игралъ съ самоубійствомъ, заставлялъ то пускать,